

«ЕГО ЕСТЬ ЗА ЧТО ЦЕНИТЬ, ПОМНИТЬ И ЛЮБИТЬ...»

Современники об Александре Вертинском

Александр Вертинский — русский Пьеро.

Рашит Янгиров

СОЧИНЕНИЯ Александра Вертинского у всех на слуху и находят новых и новых почитателей, хотя в отличие от сонма «героев вчерашних дней», увенчанных званиями, регалиями и премиями, Вертинского при жизни сопровождали лишь зрительская слава и романтические легенды. В будущем году ему исполнится сто лет — достойный возраст для канонизации, но все ли нам известно о его личности и творчестве?

Случайно или нет, но Вертинскому удалось создать на русской эстраде совершенно уникальный феномен артиста-аристократа без родословной, воспроизвести или приблизиться к которому не удавалось до сих пор никому и, надо думать, не удастся. Поначалу забавляя и эпатируя публику экстравагантным репертуаром и сценической маской набокоиненного Пьеро, впоследствии он достаточно решительно переменял их на драматический образ апатрида, отягощенного лишь ностальгией по родине, воспоминаниями об утерянном рае.

За вычетом жизни в СССР, о Вертинском писали много и охотно, пытаясь разгадать загадки творческого обаяния личности и притягательности неброского искусства русского «шансонье». Но среди написанного было не так уж много попыток оценить их совокупно, в нерасторжимом единстве «мечты и жизни» артиста. Одна из таких небезуспешных попыток принадлежала Льву Марковичу Камышникову, когда-то редактировавшему одесскую газету «Южное слово», а в эмиграции сотрудничавшему в эмигрантской печати. Интересно, что при всей непредвзятости и беспристрастности наблюдений наблюдательного журналиста, анализировавшего чужие суждения, его собственные оценки окрашены далеко не

бесспорным восприятием современника. Тематический «экзотизм», столь органичный для творчества Вертинского, Камышников принял за сценическую фальшь, заслуживающую преодоления, в то время как сегодняшние поклонники Александра Николаевича с этим вряд ли согласились бы.

Мы перепечатываем статью Л. Камышникова о Вертинском из нью-йоркской газеты «Новое русское слово», увидевшей свет 7 октября 1934-го, накануне гостевой поездки артиста в Соединенные Штаты.

ВЕРТИНСКИЙ
«Хачотичный попуайчик». «Мяукающая бездарность». «Любимец тоскующих проституток». «Искусство спекулянтов». «Больное искусство».

Это с одной стороны. А с другой:

«У Вертинского изысканность прекрасна». «Жанр Вертинского — капризный парижский жанр». «Его исполнение — не сладенькое красивое пение, это отражение нашей больной эпохи». «Вертинский — живое олицетворение переживаемого безвременья». «Здесь есть мирозерцание, стиль. Это законченное порождение большого города».

Эти цитаты вырваны мною из отзывов о Вертинском на протяжении более, чем двух десятилетий. Вертинский пишет, творит и выступает на эстраде почти четверть века. Срок почтенный для актера вообще, а для артиста его жанра — в особенности.

И всегда на протяжении всех этих лет ругань по адресу Вертинского чередовалась с восхвалениями. Раздражение и злорадство против певца сменялись восторгами, столь же преувеличенными, как и поношения.

Но Вертинский не лишен юмора. Он с одинаковой тщательностью регистрирует положительные и отрицательные о себе отзывы. В лежащем передо мной альбоме рецензий о нем немало курьезов, заслуживающих внимания читателей.

В этих пустяках, шутках, газетных сплетнях — свидетельство популярности певца, исключительно в свое время, но и по сей день не увянувшей.

В какой-то провинциальной газете читаем объявление:

АРТИСТ А.Н. ВЕРТИНСКИЙ
ищет барскую комнату с каминами и запахом лада. Желательны услуги лилового негра и наличность китайского колокольчика».

В театральной хронике журнала «Театр и кино» сообщается:

«Вернувшись из Москвы артистка Морозова передает любовную историю «смерти» А.Н. Вертинского. На Петровке в одном из магазинов выставлен большой портрет А.Н. Вертинского в траурной кайме и с венком, с надписью: «Безвременное погребение гению».

В дореволюционный период Вертинский был необычайно популярен, но какой-то своеобразной, «стыдливой» популярностью. Даже самые ревностные его поклонники, как бы оправдываясь, называли его «поэтом безвременья». Теперь только мы поняли, что это было время кипучее, памятное нам общественным подъемом.

Но наступило время эмиграции. Вертинский очутился вместе с другими за границей. Популяр-

ность его не меркла. Как и раньше, имя его пестрит в газетах; как и раньше, оно окружено легендами, слухами и анекдотами, свидетельствующими о том, что интерес к нему нисколько не ослабел. Но не все анекдоты о нем безобидны, не все слухи добросовестны, не все сплетни невинны.

Например, в парижской газете «Русское время» несколько лет тому назад появилось сообщение под заголовком:

«ВЕРТИНСКИЙ ПЕРЕКРАСИЛСЯ»

«Белый Пьеро» А. Вертинский, распевавший печальные песенки в эмиграции про лиловых негров и вызывавший восторги молодящихся дам, теперь перекрасился в красный цвет и танцует в Харькове с разрешения ГПУ «похоронный трепак» белогвардейцев и «Интернационал» в одних трусиках с серпом и молотом в руках».

Эта клевета в свое время обошла всю зарубежную печать. Вертинский из Варшавы поспешил прислать опровержение. Эмигрантские «злобы» вдохновили Вертинского на стихотворение, являющееся как бы ответом всем злобствующим и завидующим:

Я гоняю мух с подоконника,
И сказал мне знакомый аббат:

«Здесь у вас есть четыре поклонника,

Только все на кладбище лежат.

— Неужели? А я-то рассчитывал...

Значит, сборов не будет совсем?

Приходил парикмахер.

Что я морфий — курю или ем?

От союза артистов претензии:

«Говорят, вы купили здесь дом?».

На доносы похожи рецензии

Ибо авторы служат в сыском...

Но если некоторые рецензии

похожи на доносы, то другие — на гимны, и не только в русской за-

рубежной печати, но и во французской и немецкой, и родственной русской, славянской печати:

«Песник и композитор, певач и глумец» называют Вертинского словацкие газеты. А вот и образец перевода Вертинского на тот же словацкий язык:

«Уморан сам от румене шминке

И от вечито-трагичне маске».

Что означает:

«Я устал от румян и белил

И от вечно-трагической маски».

Остается одна страна, где Вертинский никогда не выступал, но где он, как артист и поэт, вырос и развился. Его родина. Советская страна.

Недавно Карл Радек с завистливой иронией обронил фразу:

«Премия Нобеля по ошибке дали Бунину, а не Вертинскому».

Эта фраза свидетельствует о желании уронить в глазах советских граждан престиж поэта Бунина. Но в то же время она говорит о том, что имя Вертинского в России до сих пор не забыто. С раздражением весьма понятным «Вечерняя Москва» еще недавно, в период строительства пятилетки, писала, что Вертинский «нынче в большой моде в Москве».

А приехавший на днях из России известный артист Н. сообщил пишущему эти слова, что тайная торговля пластинками Вертинского получила там огромное распространение. Запрещенные в России песенки Вертинского, напетые за границей, продаются по три доллара штука. Оказывается, «гнилой продукт эмиграции» Александр Вертинский не так уж противен сердцам советской публики, как это изображает советская критика.

«Вертинский», — писала та же «Вечерняя Москва», — «типичный образец общественного увядания. Уже одно название его песенок — целая гамма определенных упадочнических настроений. Это культура распада, гниения, утраченных связей».

Но этот «типичный образец гниения» находил себе подражателей в советской поэзии. В

«журнале» «Красная Новь» напечатано стихотворение «Дмитрия» Кедрина. Привожу отрывок:

Углем начертишь брови
Нацепишь на шею собаку
Красный зонтик возьмешь
И пойдешь на Покровский

бульвар.

И дальше приписка обозревателя той же «Вечерней Москвы»:

Что вы плачете здесь,
Одинокая, глупая деточка,
Кокаином распятая,
В мокрых бульварах Москвы?

Вашу детскую шейку
Едва прикрывает горжеточка,
Облысевшая, мокрая вся
И смешная, как вы.

«Типичный образец общественного увядания» крепко врезался в память обозревателя «Вечерней Москвы» и оказал немалое влияние на красную поэзию Кедрина. А вот и другие, «сильные мощные строки», исполненные непосредственного рабочего пафоса поэта Ратуева из книжки «Поэты Донбасса»:

Ну погоди, ну погоди

минуточку, —

Стонял когда-то Вертинский.

Нет, погоди, погоди минуточку,

Когда встанет социализм

исполинский

И погубит мир,

Прогнивший, грязный, свинский,

Будет каждая минуточка

Тогда дороже года,

И это, товарищ, не шуточка.

Гляди в оба.

А на дискуссии поэтов в Москве критик Усиевич грозил аудитории советских поэтов:

«Если пролетарские стихотворцы будут считать выражение любовных чувств занятием, не соответствующим моменту стройки социализма, то рабочие станут в романах Вертинского искать выхода своей потребности».

Не ясно ли, что Вертинский — по-прежнему тайный и несправедливый порок интеллигенции советской? Но вправе ли гордиться «типичный образец общественного увядания» своей популярностью в советской стране?

В Париже и в Праге, в Польше и в Румынии, в странах рассеяния и в стране советской знают Вертинского, им восхищаются и его ругают. Есть что-то в этом человеке, что вызывает очень противоречивые о нем мнения, столь противоположные к нему чувства. Объяснения вроде вышеприведенных ровно ничего не объясняют, а только запутывают. Вертинский — «певец упадочного времени», «снижение культурных интересов» — так говорят его противники.

Но время идет. Сменились настроения. Меняются и требования к искусству. А интерес к этому беспокойному человеку, к которому равно питают и раздражение, и любовь, но только не равнодушие, не остывает. Отсюда — единственный вывод. Причины успеха Вертинского, как и причины того, что у него так много врагов, надо искать в нем самом.

Его простота — от его таланта. В этой простоте — много подкупающей теплоты, искренности, честности с самим собой. Его давнишняя песенка «Бал Господень» — наиболее типична в своей трагической ясности. Эту песню знает каждый, кто когда-либо слышал имя Вертинского. Ее неподдельная грусть усилена художественной точностью и тем печальным юмором, которому претят ходульность и фальшь.

«На слепых лошадей колыхались

плюмажики.

Старый попик усердно кадилом

махал», —

рисует Вертинский картину, такую простую и такую потрясающую в своем трагизме.

Здесь нет спора в оценке. Перед нами художник. Мастер слова и мастер драматической экспрессии в то же время.

И в упадочные, и в счастливые времена люди будут умирать. И обстановка смерти человека извечно трагична. В простоте и ясности переживания Вертинский занимает свое место среди художников, пусть обособленное, пусть не самое большое, но свое, а не заимствованное у кого бы то ни было другого.

И когда он рисует жизнь, он враждебен жеманности и фальши, этот, на первый взгляд, жеманный и фальшивый фигурант.

Разве должно от женщины

требовать многого?

Вы так мило танцуете, в Вас

есть шик...

Только не надо играть

в загадочность

И делать из жизни «La vin

triste.

Когда он сам не «играет в загадочность», когда остается самим собой, он очень правдиво и искренне передает свои переживания, свое отношение к вещам, лицам, событиям:

Звону далекому тихо я внемлю

У Днестра на зеленом лугу.

И Российскую милую землю

Узнаю я на том берегу.

А когда засыпают березы

И поля затихают ко сну,

О, как сладко, как больно сквозь

слезы

Хоть взглянуть на родную

страну...

И такого Вертинского любит публика, чувствующая простоту, взволнованная и теплым словом, и талантливой передачей автором-артистом. Зрителя обмануть трудно. Если у него на глазах слезы, если его лицо освещается улыбкой, если в памяти остаются моменты эстетической взволнованности, значит, недаром живет на сцене художник, значит, есть за что его ценить, и помнить, и любить.

Но есть за что и раздражаться, и злобиться на Вертинского. Вертинский живет двойной жизнью. Одной — обыкновенной, близкой к правде бытия, другой — искусственной, близкой к неправде сцены. Как у поэта, у Вертинского есть вкус и наблюдательность. Как у актера, постановщика, у него есть надуманность, неискренность. Его сцена сугубо театральная, эффекты искусственны, позы мажорны и вычурны. Публика, слушающая экзотику Вертинского, редко догадывается, что он изображает перед ней не жизнь, а только декорации. Весь цикл его старых вещей времен «печального Пьеро» — это сплошной театр: с декорациями, реквизитом, рампой и полным отсутствием реальности. Недаром его «Китайчонок Ли» и «Лиловый негр» вызвали бесконечное количество пародий. Это был провинциальный театр страны, которая никогда не видела никакой действительной экзотики. В них пестрота красок раздражала, от нее рябило в глазах. Отсюда и озлобление не всегда разбирающейся критики.

Когда Вертинский рисует то, чего он никогда не видел, он, конечно, фальшив. И невольно скатывается в пропасть дешевой рекламной живописи:

В бананово-лимонном

Сингапуре, в бури,

Когда поет и плачет океан,

Запястьями и колыцами звеня,

Магнолия тропической лазури,

Вы любите меня.

Чем не превосходный плакат для папирос «из настоящего турецкого табака»? Эту экзотику не всякий приемлет. Но часто не приемлет ее и сам автор.

Он любит театр. Сжился с запахом декораций и кулис, но чувствует, что здесь он только актер. С годами Вертинский становится трезве. И проще. Недаром он поет:

«Я устал от румян и белил

И от вечно-трагической

маски».